

Пробудившись от сладкого сна, Мила вставать не торопилась. В сумраке неотопливаемой избы с плотно зашторенными окнами любила полежать под верблюжьим одеялом на бабушкиной перине, которую специально для неё достали из кладовки. От саманных стен, не успевших согреться после зимы, тянуло прохладой, и перина с одеялом были очень кстати. С полчаса, самое малое, нежилась она в тёплой мягкой постели и, пока выходила во двор, июньское солнце уже успевало, прокатившись над высокими приречными вёслами, осушить обильные росы на подросших до первого укуса травах.

— Проснулась? Ещё денёк к своим восьми с половиной добавила? — доброй улыбкой на симпатичном округлом лице встречала её баба Вера. В туго обтягивающей грудь блузке, в джинсовых шортах, подчёркивающих её стать, она выглядела

намного моложе своих шестидесяти с небольшим лет. — Давай быстренько умывайся и за стол.

На завтрак к ставшему привычным молоку, после утренней дойки приносимому тётей Раей в трёхлитровой стеклянной банке, добавлялись ежедневно сменяемые бабой Верой кушанья: глазунья с домашней колбасой, блинчики, творог со сметаной... К чаю, помимо конфет и печенья, ставились сбережённые в подполе-погребеке прошлогодние вишнёвое варенье и мёд. Через недельку гостевания Милы в деревне на столе появилась первая созревшая в огороде клубника.

Мила в охотку быстро упрямилась с ягодами.

— Вкуснятина! Спасибо, бабуля! — поблагодарила она затевшую постирушку бабушку. — Ещё бы клубнички!

— Сама за ней сбегай... Только поспелее выбирай.

Мила поспешила на огород, где в огороженном «огурешнике» у сливовых зарослей сочной зеленью стелилась полудикая клубника. За редкие и недолгие наезды из города в своё дачное деревенское подворье баба Вера никак не могла облагородить её, и она, разветвляясь своими цепкими усиками, настырно вползала в лунки смородинных и крыжовниковых саженцев. Просить же о том родственников, в её отсутствие присматривающих за домом, баба Вера не решалась. Видела, у них самих забот

невпроворот. С благодарностью довольствовалась тем, что с огородным поливом они помогают, с избытком насаженным ею овощам засохнуть не дают.

Быстро вернулась Мила, без ягод, но с известием. Подбежала к развешивающей бельё бабушке, затараторила:

— Гнёздышко там... В клубнике... С яичками... Пойдём, посмотрим.

— Откуда взялось? — удивилась баба Вера её сообщению о гнёздышке. Она вытерла фартуком мокрые руки, стянула косынкой растрепавшиеся при стирке, покрашенные хной кудри. — Что ж, пойдём, глянем на твою находку. Заодно и клубнички наберём.

Не успели они подойти к ягодной плантации, как оттуда, из-под разломаченного крыжовникового куста стремительно выпорхнула маленькая птичка. Крикливо крутнувшись над ними, она опустилась на жёрдочку высокой загородки «огурешника». Была птичка серого цвета, с чёрной грудкой и белым брюшком. Часто потряхивая длинным чёрно-белым хвостиком, она беспокойно вглядывалась в приближавшихся к её гнезду пришельцев.

— Неудачно устроилась, — не одобрила баба Вера выбранное птичкой место гнездовья в крыжовниковой лунке. — Сильным дождём мигом зальёт, не говоря уже о поливе.

Она осторожно перенесла свитое из тонких прутиков, кореньев и стебельков трав гнёздышко за валик лунки.

— Какие маленькие! — Мила хотела было взять одно из двух яичек белого цвета с еле заметными сероватыми пятнышками, круглившись на мягко устланном тряпочными лоскутками, пухом и шерстью доньшке гнезда, но не успела.

Взлетевшая с жёрдочки птичка с воинственным криком ринулась на людей, склонившихся над её гнездом, чуть не полоснула широко распахнутым крыльшком, словно маленькой острой косой, по Милиному личику.

— Ой! — испуганно отшатнулась она от гнезда. Не поддержи её бабушка, упала бы навзничь на колючий крыжовник.

Птичка взмыла вверх, заверещала ещё сильнее. На помощь ей подросла другая, такая же, только потемнее опереньем, видимо, будущий папаша.

— Кыш! — замахнулась на них прихваченным для ягод черпаком баба Вера. — Не тронем ваших яичек. Клубнички вот возьмём чуток и уйдём.

Не испугались птички от окрика и замаха бабы Веры, не улетели. Вдвоём уже совсем рядышком с ней просвистели они в новой атаке.

— Всё, всё... Уходим, — баба Вера поправила сдвинутую птичками косынку, кинула в черпак

пару десятков запунцовевших ягод и с тесно прижавшейся к ней внучкой покинула «огурешник».

— Смелые птички, умеют постоять за себя, — зауважала баба Вера отважных защитников своего гнезда. — Молодцы!

— А как их зовут? — к Миле, сильно испугавшейся, вернулся дар речи. Округлившись было и без того большие светло-серые с зеленоватым оттенком глаза под тонкими дужками бровей стали прежними, красивыми и весёлыми.

— Трясогузками, если не ошибаюсь. Видишь, как они хвостиками-гузками трясут. Оттого и название своё получили. Дедушка хорошо в них разбирается. Приедет вот забирать нас, подкажет.

— Уже? Так быстро! — разом поскучнела Мила, шмыгнула, как и у бабушки, курносеньким носиком. — С подружками не играюсь...

— Не переживай, — успокоила внучку баба Вера — Не скоро ещё деда Володя будет. Только к сбору вишни подъедет. К тому времени и птенчики появятся.

— Правда! Подсмотреть бы как они из яичек вылезать будут? — размечталась Мила, повеселела. — Поможешь, бабуля?

— А моей помощи и не требуется. Сама проследишь всё по порядку: и как снесёт птичка нужное количество яичек, и как высидит их потом, с дружкой

своим кормить птенчиков станет...

— Так она же не подпустит меня к гнёздышку.

— А ты и не лезь на рожон. Не тревожь зря птичку. В её отсутствие ходи, рано утром или же когда солнышко сядет. Лучше, конечно, утром. Виднее.

— А почему именно в это время? — живо заинтересовалась Мила, следом за бабушкой присела на скамейку возле пристройки к избе, взяла из черпака ягоду.

— Им же, птичкам, как и людям, после хлопотного дня отдых требуется. Поспать нужно, сил набраться, — баба Вера со знанием дела стала рассказывать о трясогузках. — Слышала, стайкой они у речки на вётрах и осинах ночуют, в густых ветках попарно спать устраиваются. С первыми солнечными лучами петь начинают, с чириканьем и писком задорные мелодии выводить. По-своему радуются утру, с друг дружкой милуются. Потом, потряхивая хвостиками, летят мухами, жучками-паучками разными кормиться, гнёздышко своё проверить, яичко новое снести...

Мила с открытым ртом слушала бабушку, даже про клубнику, что на весу в тонких пальчиках держала, забыла.

— А ты ешь, ешь, — напомнила о ней баба Вера, поближе к внучке поддвинула черпак с ягодами, продолжила свой рассказ. — Хорошее у трясогузок

сейчас времечко. Почти беззаботное. Дальше хлопоты серьёзные начнутся. Как только по природе положенные яички снесутся, птичка на их высидку сядет. Дней на десять, не менее. Дружку тогда кормить её придётся, охранять от кошек и других любителей полакомиться ею самой. А там и птенчики из яичек вылупятся, растить их надо будет, на крыло ставить, от хищников разных беречь...

Теперь Мила, как бывало, не залёживалась в постели. С утра пораньше в огород бежала, тихонько открывала поскрипывающую калитку в «огурешник», осторожно подбиралась к гнёздышку, радовалась каждому новому яичку...

Однажды, дотемна заигравшись с подружками, намотавшись в уличной беготне, она позже обычного спать легла. Позже и встала. Направившись к огороду, уже издали заметила нырнувшую к гнёздышку птичку. Ту, что из двух, ею виденных, темнее опереньем. Притаившись под разросшимся возле калитки клёном, стала наблюдать за ней. Птичка не задержалась у крыжовника. Тут же шустро выпорхнула оттуда, с лёта прихватила клювиком подвернувшуюся стрекозу, вновь нырнула вниз. При следующем взлёте на пустую площадку рядом с клубничной плантацией опустилась, где раньше огурцы и помидоры росли, в этом году бабой Верой

посаженные за «огурешником» на новом месте, более чернозёмном и от соседских назойливых кур подальше.

Затаив дыхание, Мила следила за тем, как птичка, безостановочно тряся длинным хвостиком, туда-сюда носилась на своих длинных ножках, собирая с земли невидимых издали насекомых, как с хорошим уловом снова шмыгнула к гнёздышку в клубнике...

— Кормит подругу, которая в гнезде яички своим брюшным пухом греет, деточек высиживает, — разъяснила бабушка внучке действия птички-кормильца, — Теперь её до самого появления птенцов нельзя тревожить, из гнезда выпугивать. Без неё яички охладятся, птенчики в зародыше погибнут... Хорошо, подфартило птичке. Клубнику мы с тобой, считай, всю собрали. Оставшиеся мелкие ягодки не скоро подрастут. Да и немного их. И шланг вчера от овощных грядок перенесла, смородину с крыжовником как следует полила. Знала, что вот-вот на высидку наша птичка сядет. Пусть не тревожится теперь вместе с верным дружком своим, спокойненько себе сидит...

Весело отлистывались Милой деревенские летние денёчки. Девчонки, с которыми познакомилась через свою бабушку, были её погодками. Потому быстро они сдружились, интересно и разнообразно время проводили. На тетрадных листочках в

клетку картинки цветными карандашами рисовали, тряпочные и пластилиновые поделки выдуывали, выставки из них организовывали. Стихи и песенки разучивали, концерты для взрослых ставили. Не забывали и подвигаться. Играли в прятки, салки, прыгалки всякие. На велосипедах по длинной улице гоняли. Мила тоже быстро каталась, от деревенских, более крепких подружек не отставала. Своими тонкими ножками в сандалиях крутила педалями так шустро, аж незаплетённые в косички волосы за плечами тёмным шлейфом развевались. Велосипеда у Милы не было. Соседский пацан одалживал, за что бабой Верой конфетами щедро поощрялся. Без купания, само собой, не обходилось. Жаль, не в пруду, что раньше близко на задах изб за огородами водной гладью синел, чью плотину, давно уж прорванную сильным весенним половодьем, с развалом колхоза так и не восстановили. В жару, где бы не играли, то и дело бегали во двор к внучке деда Григория, где из двух больших колёсных покрышек трактора «Кировец» хозяином дома был сооружён вместительный бассейн. В нём и плескались подружки в тёплой, согревшейся на солнце воде, которую вечером, незадолго до пригона коров, полностью сливали при поливе овощей. Взамен свежей из колонки уличного водопровода ёмкость полнили.

Иногда дед Григорий на своей выдавшей виды легковушке — «москвиче» возил девчонок далеко за деревню, к лесу, вволю побарахтаться в чистейшем, с родниковой водой, краснопахарском озёрце, получившем своё название от некогда располагавшего здесь хуторка «Красный Пахарь».

Словом, с удовольствием игралась Мила с подружками в свои первые школьные каникулы, но всё же о гнёздышке в клубнике не забывала. Прибегая на обед, всегда находила времечко за птичкой, кормящей подругу-наседку, понаблюдать.

При очередном проследовании Милы к своему наблюдательному пункту, за ней увязался Васёк, годовалый котик, сынок Василиски, которую в прошлое лето дед Володя в деревню привёз, «мол, нечего кошке в городской квартире бездельничать, пусть лучше в избе обнаглевших мышей гоняет», и здесь же у соседей на зиму оставил после того, как она окотилась. Котят, уродившихся в красивую бело-серую масть своей матери, быстро по соседским домам разобрали, кроме одного, слабенького. За зиму котёнок этот, Васёком названный, окреп. Только без матери остался. Пропала Василиска. По всей видимости, собаки её загрызли, не поддавалась она им, смело в драку лезла, сынка защищая... По приезду в это лето баба Вера забрала

Васёка, но по привычке он больше у соседей крутился. Проголодавшись лишь, заявлялся к ней, настырно еду требовал...

— Иди домой, — заметив котика, стала прогонять его Мила. Васёк не слушался, тёрся о ноги, мурлыкал о чём-то своём, кошачьем. Вдруг он прервал мурлыканье, насторожился, уши наострил и, опередив намерившуюся взять его на руки девчонку, нырнул под калитку.

— Куда? — поспешила за ним Мила. — Нельзя!

Васёк остановился было, но тут же сильнее припустил к гнёздышке, откуда к нему с дружным писком потянулись желторотые слепые птенчики.

Быстро подбежала Мила, схватила опешившего от увиденного птичьего выводка Васёка, заругала:

— Ах, ты, негодник! Неслушник такой... Я тебе!

Птенчики в шесть глоток откликнулись на Милин голос новым, требующим кушанье писком. Двое из них ещё окончательно не освободились от яичной скорлупы, но в требовательности своей не отставали от голеньких с редким тёмным пушком собратьев.

— Видишь, как раскричались? Из-за тебя всё! — Мила чувствительно шлёпнула с горящими глазками рвущегося к пискунам Васёка, поспешно поднялась от гнёздышка. — Бежим скорее, пока их родители не заявили.

Вовремя она спохватилась. Только лишь с вырывающимся котиком подмышкой закрыла за собой калитку «огурешника», как прилетели птички-кормильцы, хлопотливо занялись исполнением родительского долга.

Мила донесла Васька до избы, опустила возле предназначенной ему миски. Придерживая котика за шею, наставляла строго:

— Вот твоя еда! Лакай свой супчик на здоровьице. А про птенчиков забудь!

Васёк недовольно глянул на маленькую хозяйку, мол, чего удумала. Схитрить надумал. Изображая послушание, раздвигая мордочкой в миску. Учув послабление девчоночьих удерживающих рук, резко вырвался из них и, призывно мякнув, поспешил к огороду.

— Стой! — бросилась за хитроном Мила. — Стой! Кому говорю!

Поочерёдно нырявшие к гнезду трясогузки были начеку, словно поджидали маленького хищника. Всполошились разом, раскричались, смело налетели на него ещё на подступах к своим деткам.

Разбежавшийся Васёк по инерции проскочил всё же к гнездышку, готовый вцепиться уже своими двумя длинными клычками в горлышко ближайшего к нему птенчика. Только не успел дотянуться. Трясогузки помешали, стали клевать его, крыльшками бить по глазам

так яростно, что он вынужден был переключиться на борьбу с ними. Птички того и добивались. Они, с риском оказаться в сильных, с острыми коготками лапах кота, прыгали, взлётывали перед ним, уводя его всё дальше и дальше от гнезда. При этом поочерёдно взмывали вверх и стремительным комком бросались на незваного гостя. Неизвестно, чем бы закончилась эта схватка, не подоспей храбрым защитникам на подмогу с добрый десяток сородичей и несколько поддерживавших их воробьёв, с лёту безбоязненно кинувшихся на врага.

Не до птенчиков стало Ваську. С птичками, слетевшимися на помощь их родителям, вынужден был сразиться. В отчаянной схватке одну из них он сбил насмерть, пёрышками многих поле боя усеял... Только не удалось ему сладить с дружной стайкой маленьких, с виду слабеньких, но воинственных пернатых. Одолели они, большинством и храбростью взяли, и потрёпанному, исклёванному изрядно коту ничего не оставалось, как с позором бежать восвояси.

С трудом вырвавшись из птичьего окружения, Васёк выскочил из «огурешника», стремительно пронёсся мимо застывшей на полпути к огороду Милы. С намерением спрятаться в избе он попытался с разбегу проскочить в неплотно прикрытую дверь веранды. Не получилось у него. Узковатым оказался просвет.

Бело-серым мячиком отскочил он от захлопнувшейся при его наскоке двери, в несколько прыжков одолев двор, исчез в расщелине саманных кирпичей, подготовленных дедом Володи́ для перекладки сильно накренившейся стены мазанки.

— Стучалась? — вышла из веранды придремавшая, проснувшаяся от кошачьего удара в дверь баба Вера.

— Не я, бабуля... Васёк это, — Мила быстренько, захлёбываясь от возбуждения, поведала о случившемся.

— Вона как, — вроде бы и не удивилась услышанному баба Вера. — Так ему и надо! Молодцы птички! Проучили как следует шельмеца. Надолго запомнит...

Она взяла пластмассовое ведёрко, Миле алюминиевую

кружку протянула. — Пойдём в огород, за вишенками. Полакомимся первыми и на компот наберём. Поспевать, смотрю, стали. Вовремя. Как раз и дедушка на днях подъедет. Соберём вишню и в город...

— А птенчики успеют подрасти? — не забывала о своём Мила.

— Вырастут. Лишь бы коты или коршуны, добравшись до них, не оказались удачливее нашего Васька, — бабушка приобняла внучку, успокоила. — Не переживай. Всё будет хорошо.

Лёгко на помине, из кирпичей вылез Васёк, опасно огляделся.

— Пойдём с нами, — позвала его Мила и засмеялась, довольная, что котик, как бывало, не побежал за ними. — Бойтся, значит...